

МАСТЕРА

НЕЗАБЫВАЕМОЕ

Борис Федорович Андреев — имя этого замечательного актера хорошо знакомо зрителям разных поколений — и молодым, и старым. Роли, сыгранные им в фильмах «Трактористы», «Большая жизнь», «Два бойца», «Большая семья», «Путь к причалу», «Оптимистическая трагедия», составляют яркую, незабываемую страницу истории советского кино. В издательстве «Искусство» готовится к печати сборник, посвященный Борису Андрееву. О работе с ним вспоминают разные люди: в их числе народная артистка СССР Вера Васильева, снимавшаяся в «Сказании о земле Сибирской». Один из разделов сборника посвящен писательскому творчеству актера, сын которого Борис Борисович Андреев рассказывает, как отец увлекся сочинением афоризмов, вошедших впоследствии в повесть «Суета сует».

С ПЕРОМ И БУМАГОЙ

Последние годы неожиданно оказались отмечены одним увлечением, которому Борис Федорович уделял очень много времени. Он начал сочинять и записывать различные короткие мысли и высказывания, носящие отчетливо афористический характер. Всюду стали появляться записные книжки, клочки бумаги, обрывки сигаретных коробок, исписанные его резким размашистым почерком. Позже почти все свободное время отец стал проводить за пишущей машинкой, приводя свои наброски в относительный порядок, систематизируя записанное в ему одному известной последовательности.

Увлечение это поначалу большой поддержки дома не встретило. Галина Васильевна скептически отнеслась к затее.

— Ну что ты всякой чушью занимаешься, что ты стал проводить за пишущей машинкой, приводя свои наброски в относительный порядок, систематизируя записанное в ему одному известной последовательности.

Впрочем, серьезность ответов была нарочито подчеркнута, что уже само по себе означало — отец внутренне иронизирует над этим странным для него видом творчества. Сам же термин «афоризмы», как правило, превращался в несколько иные формы. «Афоризмы», например, а то и покрепче.

Сам большой профессионал, Борис Федорович всегда оставался сторонником высокого профессионализма. Человек должен хорошо делать свое дело. Быть может, поэтому отец, как правило, не одобрял переход актеров или операторов в режиссуру, увлечение всякого рода писаниями. Однако суждения эти оставались сугубо личными, внутренними. Он всегда уважительно относился к творчеству других, даже если оно было далеко от идеалов. Строже всех судил он самого себя.

— Знаешь, заметил он однажды, — это, наверное, неизбежно: каждый актер втайне пишет сценарий. И даже надеется, что его когда-нибудь поставят. Вот и Кторович, — вспоминал он своего близкого друга Виктора Ивановича Кулакова, — тоже, кажется, сочиняет какую-то очень трогательную историю про детей и животных. Уже долго-долго пишет...

— А ты?

— Ну я — это особое дело. Старец Андреев сочиняет охренительные, многозначительные подиал он палец вверх, снова ерничая над своим увлечением.

Шутки шутками, но афоризмы действительно были его особым делом и ни в коей мере не досужим увлечением артиста, решившего потешить себя, а при случае и почтеннейшую публику неким окопительным творчеством. Он вообще терпеть не мог всякие око-

лечения. Его записи были органичной частью творчества, присущим ему способом выражать часто в гротескной форме весьма глубокие мысли.

Вообще же отец постоянно общался с пером и бумагой. Сколько я помню, он всегда что-то записывал. Чаще для себя. Это могли быть конспекты заинтересовавшей его книги, просто заметки на полях любимой статьи, тексты его выступлений, рассказы, наконец, афоризмы.

По мере сил он все старался писать сам. К сожалению, не все сохранялось — Борис Федорович не был педантом по отношению к своим архивам.

Склонность же к острому слову, умение использовать его в нужный момент были всегда присущи Борису Федоровичу. Иногда эта склонность начинала определять ход творческого процесса в работе над ролью, почти целиком диктовала строение образа. Так случилось при работе в картине Станислава Говорухина «День ангела», где отец исполнил роль купца-пьяницы Грызлова. Постоянно пребывающий подшофе Грызлов так и сыпал прибаутками-экспромтами и, должно быть, немало здоровья попортил суровой редактуре, когда зычно рокотал с экрана: «Марышка! Марышка! Стоит у руля истории...». Именно с этой картиной — с конца семидесятых началось осознанное и постоянное сочинение афоризмов. Тогда же еще часто появлялись забавные фразочки

наподобие «Этот мед я покупаю — он напоминает мне манную кашу» — милая сценка на одесском базаре, подмеченная режиссером Константином Ершовым и описанная потом в доброй, трогательной статье.

Действительно, при необходимости Борис Андреев за словом в карман не лез. Как-то летом в свободный денек ехал на дачу. Дребезжащие такси ползло, затертое грузовиками, по узкому Дмитровскому шоссе. Все хозяйственные поручения были выполнены — багачник забит продуктами, а впереди — пара дней отдыха на природе. Но — о ужас! — забыли купить картошку. И пощады от Галины Васильевны ждать не придется. И вот уже приуныли все и смолкли в машине беззастенчивых разговоров. Сползаем с пригорка в деревню Ермино, а на обочине стоит наш спаситель — старикан в полинялой кепке и стоптанных башмаках на босу ногу. А у невиданных бывалых башмаков пристроилось ведро, полное отменного картофеля.

Дед — видно, тертый калач — быстро сориентировался в обстановке и заломил за свое ведро немалую цену.

— Чего стоишь-то. Бери, бери. У вас, артистов, денег много.

— У нас, артистов, таланту много, — незамедлительно последовал ответ, и Борис Андреев гордо оставил злетью искусства на дороге вместе с его картофелем.

Б. АНДРЕЕВ.

Листая страницы тетради афоризмов Б. Ф. Андреева «Суета сует»

ИЗ ФОТО-АРХИВА

Народный артист СССР Борис Андреев.

Вера Васильева и Борис Андреев в фильме Ивана Пыррева «Сказание о земле Сибирской».

Вера Васильева

ЗА ПРОСТОТОЙ ХАРАКТЕРА

Борис Федорович Андреев. Удивительный человек, с которым давным-давно мы работали вместе. Вспоминаю его — и теплеет душа. Эти чувства сопровождали нашу совместную работу и сохранились надолго. Быть может, навсегда. Запечатленное в памяти обаяние и безграничная доброта этого человека заслонили собой конкретные факты былых времен и встреч. И от этого немного грустно.

Мало сказать, он был яркой личностью и в жизни, и в творчестве, он был артистом, которого любил весь народ. Ведь для этого надо было быть не просто талантливым, а, наверное, нести в себе собирательный идеальный образ человека. Причем идеальный не в смысле расхожей, скучной пошлости, а как действительное выражение любви, мудрости и одаренности народной. И кажется мне, что именно Андреев стал носителем того, как люди мыслят себе русского талантливого человека — разностороннего, доброго, естественного, широкого...

Мощность его фигуры определялась сочетанием многих превосходных качеств: незаурядно талантливый, надежный, честный человек. И при этом он вырос до выражения емкого собирательного образа, своего рода символа русского народа, целой эпохи... Редкое счастье для актера-художника.

Его роли в кино я всегда любила. В каждой своей работе он был искренним, масштабным, несомненно черты человеческого характера. Нас всегда волновало соотношение интернационального и национального в искусстве. И когда актер приходит в своем творчестве к подлинному выражению национального характера — это всегда большое счастье. Ведь почему, к примеру, так дорога нам Марецкая в роли Матери. Потому, что чувствуем — перед нами настоящая русская женщина. Так у Бориса Андреева в каждой работе сквозили черты былинного русского богатыря (молодца).

Возможно, внешне это складывалось в некое подобие ампулы, которое артист охотно поддерживал. Он словно с озорством говорил окружающим: «Вы хотите меня таким видеть? Пожалуй, я буду для вас таким». Но это внешне. А по существу Андреев всегда оставался артистом, глубоко чувствующим природу образа, художником высокого драматизма.

За кажущейся простотой характера оставался второй план, который никогда не казался простецким или поверхностным. В его работах открывался пласт личных размышлений, показывающий большие человеческие накопления, чувства острого переживания за людские судьбы, если угодно — протеста против несправедливости. И такая мировоззренческая углубленность творчества сочеталась с удивительной природной непосредственностью игры.

Ему везло на режиссеров. Но у меня сохранилось ощущение, что он сам прекрасно понимал, что такое хорошо, и давал образцы, которые создавал. И это я называю актерской простотой души. Личность этого артиста никогда не воспринималась мною однозначно, плоскостно. Хотя мои ощущения от совместной работы были только радужные, веселые и остротные, но за этим угадывалось, что он о чем-то безумно боится, хочет большого и значимого. Но всегда это было прикрыто как бы маской народного юмора того героя, которого мы видели на экране.

Сейчас отчетливо вспоминается выступление Бориса Федоровича на одном из больших кинематографических форумов. Среди множества официальных речей раздался голос, в котором чувствовалось искреннее переживание за судьбу актера, за судьбу своих товарищей по искусству, творчество.

Ведь он никогда не упивался своей славой, хотя она, конечно, его радовала. А проблемы перед ним вставали те же, что и перед другими актерами. Только необходимость их решения не оставалась индивидуальной — замкнутой на самом себе. Она распространялась на весь наш многочисленный актерский цех.

Зритель у нас умеет любить актеров. Потому бывает очень обидно, когда люди, достигшие больших высот, лишь наслаждаются лучами собственной славы и совершенно забывают обо всей остальной актерической братии. Ничего подобного с Андреевым не случалось, хотя популярность его была невероятной. И вспоминаю мне тот давний кинематографический съезд, потому что говорил Андреев об актерской проблеме, такой важной для всех нас. Бесело говорил, с присутствием юмора, а мысли были серьезные, глубокие и выстраданные. Выйдя на трибуну, он не стал чиновником — а такое очень часто происходит и с хорошими людьми. Он же не был отдельно деятелем, а отдельно — исполнителем ролей. Всегда и всюду, на любой площадке он оставался самим собой. Большим добрым человеком, кровно заботящимся о своих ближних, о своих коллегах. И этот свой нравственный уровень он всегда сохранял, а для этого тоже требуется большое мужество.

Вообще счастье, что я знала его. Мало, но все-таки знала. А картина была большая, и мы целый год работали вместе. Группа наша довольно долго снимала под Москвой, в Звенигороде, где построили декорацию чайной. Выезжали в Сибирь, правда, без меня... И вся работа шла с ощущением необычайной радости, поистине первозданной красоты. Все эти лишние лошади, сани, шубы... запомнились надолго. Для меня это был какой-то праздник, и

потом в жизни я ничего подобного даже и не ощущала.

Я была еще студенткой, когда Иван Александрович Пыррев искал актрису на роль Настеньки в картину «Сказание о земле Сибирской».

...А компания тогда действительно собралась знаменитая: и режиссер-постановщик, и актеры... Все они на меня внимание не очень-то обращали. Владимир Дружников, Марина Ладынина целиком принадлежали тогда своим ролям — образам центральных героев. И только Борис Федорович постоянно и трогательно делился своим большим человеческим вниманием. Правда, мы по фильму были с ним парой. Но главное, думаю, тайлось в его натуре и творческом желании уже опытного художника раскрепостить девочку, которая, скажем, попала не в свою среду.

Он мог то просто чем-то рассмешить меня; то вдруг самым серьезным тоном спросить: «Неужели не можешь заплакать, что ж ты, не влюблялась никогда?» — провоцируя меня на естественные человеческие чувства, которые нужны были для картины.

Работа над этой сценой хорошо запомнилась мне. Действительно, по ходу дела Настенька должна была горько плакать: она узнавала, что Балашов — герой Дружникова — не любит ее. Бурмак — Андреев утешал меня, а у него самого текли слезы. Это трогало меня необычайно. И здесь сработывал замечательный творческий механизм: актер проникал духом сцены, эпизода, заражал своим чувством тебя, ты — другого партнера, он — еще одного... И уже не замечаешь, как идет работа, сцена развивается, несется, обрстая чувствами и эмоциями словно снежным ком.

Никогда не забуду этой сцены с Бурмаком. Как плакал он, когда меня утешал. Это было очень трогательно. Такой большой, могучий... Когда сцену закончили снимать, было очень жалко — так естественно, так легко она шла. На съемках быстро привыкаешь к кинематографической манере работы: все делается маленькими комочками, фрагментами. А это была большая сцена, и я действительно по-настоящему прожила ее всю целиком от начала до конца, словно заколдованная чувствами своего замечательного партнера.

На съемках у нас с Борисом Федоровичем не было никаких творческих проблем и споров. Он — тогда уже опытный мастер — прекрасно понимал, что я была еще просто юной студенткой. Да к тому же и перепутанным таким знаменитым окружением, в которое попала. На работе он, попросту говоря, меня облакаивал и юмором своим, и вниманием успокаивал, чтобы я не нервничала, а была бы просто таким открытым цветочком, который и нужен для картины.

Серьезных наставнических разговоров у нас не было. Разве что только по роли. Да и характер эти беседы носили не теоретический, а чисто практический. Он всегда выступал просто как человек, которому хотелось, чтобы я раскрывалась или успокоилась. Повтому отношения были скорее теплые, родные, нежели чисто профессиональные. Все профессиональное шло тогда от Пыррева, который добивался четкого выполнения каждого кусочка роли. Андреев же скорее вел себя как мать, которая говорит своей дитяти: «А я ей сделаю тепло. А я сделаю так, чтобы она успокоилась. Вот пусть она себе учится: а я — именно тот человек, делающий все вокруг таким, чтобы ей было удобно».

Он, мне кажется, действительно никогда не брал на себя во время работы функций метра. Я ощущала его скорее веселым, уверенным в себе человеком и одновременно учеником.

Он действительно весело жил, весело все воспринимал, а задания все выполнял усердно и старательно. Но старательность эта была с глубоким ощущением собственной индивидуальности — раскованная, щедрая, вольготная. Борис Федорович всего себя направлял на то, чтобы выполнить предложенное постановщиком, но и преломлял все сообразно своей индивидуальности.

Словом, демонстрировал он еще одно важнейшее актерское качество, с которым мы не всегда в силах совладаем. Если мы начинаем очень стараться и теряем вдруг собственную непосредственность и индивидуальность, мы становимся беспомощными. Всегда надо стремиться к выполнению поставленной задачи, но никогда не забывать самого себя. Андреев никогда не бывал беспомощным. Никогда не забывал он на съемочной площадке самого себя, свою натуру, даже стараясь сделать то, что не всегда было ему свойственно. Думаю, что именно поэтому пырревское неистовство сглаживалось его собственной натурой, его юмором. И получалось именно то, что было нужно фильму.

Работали мы вместе целый год. И картину эту я очень любила и люблю, хотя сейчас она, конечно, может показаться во многом наивной...

...Когда он умер, я плакала. А вспоминались русские березы, домики, оставшиеся в деревне... Мимолетные образы, связанные с понятием родной земли, которой целиком принадлежал этот добрый и веселый человек. Вот для меня Борис Андреев — это все-таки Родина. И это очень важно и хорошо.

Музыкальное невежество всегда любило хвататься за дирижерскую палочку.

О дерзких и беспокойных шеф с удовольствием читал в романах, но старательно избегал придерживаться их около своего покоя, около своего безупречно выстроенного аппарата.

Неумолимо делать чаще всего кажется, что он обязан руководить.

А теперь подумем в блюде и постигнем формулу урагана, друзья мои. (Из практических усилий «чистого теоретика»).

Сценарий — уникальнейшее произведение искусства, где пытаются изжить беспорядочные благие мысли всех, не совпадающие с мыслями каждого в отдельности.

Все недооцененное мстит, все переоцененное — подводит...

Музыкальное невежество всегда любило хвататься за дирижерскую палочку.

О дерзких и беспокойных шеф с удовольствием читал в романах, но старательно избегал придерживаться их около своего покоя, около своего безупречно выстроенного аппарата.

Неумолимо делать чаще всего кажется, что он обязан руководить.

А теперь подумем в блюде и постигнем формулу урагана, друзья мои. (Из практических усилий «чистого теоретика»).

Сценарий — уникальнейшее произведение искусства, где пытаются изжить беспорядочные благие мысли всех, не совпадающие с мыслями каждого в отдельности.

Все недооцененное мстит, все переоцененное — подводит...